

Лань И давно уже сидел на постели и украдкой разглядывал Сюань Ли. В его памяти тот остался невероятным болтуном: стоило ему замолчать, как он тут же принимал облик сошедшего с небес небожителя, но стоило открыть рот — и от этого возвышенного образа не оставалось и следа.

Однако сейчас Сюань Ли выглядел совершенно иначе. Тонкие, летящие к вискам брови, глаза — словно холодные звезды. В его легком, летящем силуэте угадывался истинный бессмертный, сошедший со старинного свитка: отстраненный, одинокий, недостижимый для мирской суеты. Не будь его аура прежней, Лань И непременно подумал бы, что перед ним совсем другой человек.

Появление Сюань Ли спутало все карты. Гуй Инь понял, что убить Лань И сегодня не удастся, и теперь важнее всего было унести ноги. Приняв решение, он наотмашь швырнул в Лань И печать меча и рванулся прочь.

Сюань Ли пришлось сначала развеять смертоносную печать. Он уже собирался броситься в погоню, но кто-то крепко вцепился в полу его одеяния. Обернувшись, он увидел мальчика лет восьми-девяти, который жалобно глядел на него сквозь слезы.

Сюань Ли рвался за Гуй Инем и не желал ввязываться в чужие беды, однако, глядя на мальчишку, лишь тяжело вздохнул. Он терпеть не мог, когда на него так смотрели, особенно дети, только что пережившие смертельный ужас. Уйти — совесть не позволяла, остаться — упускал врага. Сюань Ли застыл в нерешительности, глядя на ребенка, который мертвой хваткой ухватился за край его одежды.

С той самой секунды, как появился Сюань Ли, Лань И все для себя решил. Он должен заставить его забрать себя отсюда, чего бы это ни стоило, иначе другого шанса придется ждать вечность. Мальчик пристально следил за каждым движением бессмертного, и стоило тому сделать шаг к выходу, как мальчик мгновенно уцепился за его рукав.

"Плевать на гордость, — решил он, — сегодня я от него не отстану"

Сюань Ли молчал, и Лань И не проронил ни слова, лишь жалобно хлопал глазами. К счастью, хоть аура владыки и стала куда холоднее, его старая слабость — неспособность видеть чужие слезы — никуда не делась. Сообразив это, мальчик зарыдал еще пуще.

Сюань Ли мысленно порадовался, что на дворе глубокая ночь и вокруг ни души, иначе прохожие непременно решили бы, что он обижает сироту. Он попытался осторожно высвободить ткань, но хватка у мальчишки была железной. В конце концов бессмертный смирился и стал ждать, пока ребенок заговорит, однако тот лишь беззвучно глотал слезы.

Терпение Сюань Ли подходило к концу. Еще пара минут, и след Гуй Иня окончательно простынет. Ну же, если тебе что-то нужно, так скажи! Не стоять же здесь до самого утра!

Сам Лань И в это время лихорадочно соображал, как бы поубедительнее напроситься с ним, но в детскую голову не шло ни одной дельной мысли. Он совершенно запутался.

В этот момент со скрипом отворилась дверь, и на порог вышел Чэнь Юцай.

Сначала этот трус боялся даже вздохнуть. До его ушей доносились звуки недолгой схватки, а когда все стихло, он выждал еще немного и лишь тогда набрался смелости высунуть нос на улицу. Убедившись, что чудовище исчезло, Чэнь Юцай облегченно выдохнул, но, заметив плачущего навзрыд ребенка, тут же недовольно поморщился:

— И почему тебя тварь эта не сожрала? Ну и живучий же ты ублюдок!

При виде отчима Лань И ликовал: он появился как нельзя кстати. Мальчик тут же, притворившись испуганным, вжал голову в плечи и прижался ближе к Сюань Ли.

Взглянув на дрожащего всем телом ребенка, Сюань Ли вздохнул:

— Это твой отец?

Мальчик покорно кивнул.

Сюань Ли опешил. Разве любящие отцы так разговаривают со своими детьми?

— Раз уж вы его отец, то должны знать, что в округе творится неладное, — строго произнес он.
— Не стоит оставлять ребенка на улице в такое время...

Однако Чэнь Юцай грубо перебил его:

— Да он сам домой не идет! Даже если не во дворе торчит, все равно шняется где попало. Не веришь — у него спроси!

Сюань Ли опустил взгляд. Мальчик лишь горько и обиженно кивнул. В душе бессмертного начали зарождаться смутные подозрения.

Появление чужака, который вздумал читать ему нотации в его же собственном доме, разозлило Чэнь Юцай.

— Ты еще кто такой? — буркнул он. — Что забыл в моем дворе?

— Сюань Ли из Дворца Небесного Механизма, — отозвался гость. Его голос прозвучал мягко, точно ночной ветер, колышущий нефритовые подвески, но в нем сквозил леденящий холод.

Стоило Чэнь Юцаю услышать название великой обители, как его спесь мгновенно испарилась. Он угодливо улыбнулся:

— Ах, так вы бессмертный господин! Простите мою глупость, милости прошу в дом, входите же!

Сюань Ли по-прежнему рвался в погоню за демоном и меньше всего хотел задерживаться. Но мальчишка вцепился в его одежду мертвой хваткой. Отрезать кусок подола и исчезнуть, пока никого не было, он еще мог, но теперь, под пристальным взглядом хозяина, пришлось подчиниться. Владыка мысленно обругал себя за излишнюю бережливость к шелкам.

Стоило им переступить порог, как в нос ударил резкий, удушливый запах застарелой грязи и перегара.

Чэнь Юцай торопливо зажег масляную лампу, вытащил из угла колченогий табурет и, кое-как потерев его засаленным темным рукавом, пододвинул гостю.

— У меня тут не прибрано маленько... бардак, уж извините, — заискивающе пробормотал он. — Присаживайтесь, почтенный мастер.

Сюань Ли никогда не отличался изнеженностью, но сесть на это убожество так и не решился.

— Не стоит, я постою, — мягко отказался он.

Бегло осмотрев конуру, он сразу понял, что хозяин — беспросветный пьяница и лодырь. "В такой берлоге никто по своей воле жить не станет", — с грустью подумал Сюань Ли. Вдруг его взгляд упал на валявшуюся возле кровати старую плетъ с засохшими бурыми пятнами.

— А это что? — указал он на нее пальцем.

— Да так, плетъ, — отмахнулся хозяин. — Учю этого щенка уму-разуму, когда от рук отбивается.

Сюань Ли замер от возмущения, а затем медленно перевел взгляд на ребенка.

Лань И времени даром не терял: еще по пути в дом он незаметно закатал рукава, подставляя под свет лампы свои увечья. Заметив, что Сюань Ли смотрит на его руки, он поспешно обнажил предплечья полностью. Зрелище было ужасающим — глубокие, багровые рубцы, некоторые из которых еще даже не затянулись корочкой.

Теперь Сюань Ли окончательно понял, почему мальчик так отчаянно за него цеплялся. Вот только возиться с детьми и брать на себя обузу ему совершенно не хотелось. Но и бросить несчастного ребенка на растерзание этому чудовищу не позволяла совесть. После недолгой

внутренней борьбы он все же уступил жалости.

— Я вижу в этом мальчике скрытый талант, — негромко произнес бессмертный. — Хочу забрать его во Дворец Небесного Механизма и наставить на путь самосовершенствования.

Чэнь Юцай так и подпрыгнул от неожиданности. Отпустить сопляка к бессмертным? Ну уж нет! Он ведь избивал его до полусмерти. Если этот паршивец наберется сил, то первым делом вернется и свернет ему шею.

— Ну что вы, господин бессмертный, шутить изволите! — замахал он руками. — Какое там дарование у этого выродка? Да и как я без него останусь? Я же бобыль, кормить меня некому будет, совсем пропаду!

Лань И едва успел обрадоваться тому, как легко все складывалось, но слова отчима мигом вернули его на землю. Мысленно он уже разорвал мерзавца на куски. Страшась, что Сюань Ли передумает, мальчик с новой силой вцепился в его шелка, умоляюще заглядывая в глаза.

Услышав отказ, Сюань Ли и вправду засомневался, стоит ли лезть на рожон. Хозяин лачуги явно был паршивым человеком, но красть чужих детей бессмертным не пристало. И все же, взглянув на дрожащего от ужаса ребенка, Сюань Ли дрогнул. Тяжело вздохнув, он залез за пазуху, достал десять сияющих камней духа и бросил их на грязный табурет.

Глаза Чэнь Юцай чуть не вылезли из орбит. Такой кучи драгоценных камней он не видел ни разу в жизни. Один камень духа на рынке стоил добрых десять серебряных ланов — значит, здесь было целых сто ланов чистого серебра! Пьяница задрожал от жадности, он уже готов был закивать, но в его скудном разуме шевельнулась подлая мысль: если поупрямиться еще немного, можно выбить из богатого заклинателя куда больше.

— Нет, нет, никак нельзя, — напустил он на себя скорбный вид. — Сын у меня единственный на всем белом свете. Не могу я его отдать, господин бессмертный.

Сюань Ли прожил на свете не одну тысячу лет и насквозь видел людские пороки. Он сразу раскусил дешевый трюк этого пройдохи. С такими алчными тварями нельзя было идти на уступки. Легким движением пальцев он заставил камни духа взмыть в воздух и зависнуть прямо над головой опешившего пьяницы.

— Что ж, — с наигранным вздохом сожаления произнес Сюань Ли. — Наш Дворец Небесного Механизма никогда не испытывал недостатка в талантливых учениках. Раз ты против, не стану неволить.

С этими словами он развернулся к выходу.

Испугавшись, что богатство уплывает прямо из-под носа, Чэнь Юцай бросился наперерез:

— Стойте, стойте, господин бессмертный! Я передумал! Для мальчишки ведь великое счастье — попасть в такую обитель, пускай идет!

Сюань Ли взмахнул рукавом, и на грязный табурет плавно опустились чистый лист бумаги и кисть с тушечницей.

— Писать умеешь?

Хозяин торопливо закивал.

— Пиши под мою диктовку.

Тот поспешно схватил кисть.

— Пиши: "Отныне мой сын..." — Сюань Ли осекся и мягко спросил мальчика: — Как твое имя?

— Я... меня зовут... — замялся Лань И.

Назваться прежним именем он не мог, но и выдавать ту гнусную кличку, которой наградил его отчим, тоже не собирался — это же позор на всю оставшуюся жизнь! Он судорожно пытался придумать что-то благородное и звучное, как вдруг Чэнь Юцай с презрительной ухмылкой вставил:

— Да как его зовут — Выродок! Собачий выродок, вот кто он!

Лань И мысленно хлопнул себя по лбу.

"Все пропало"

Сюань Ли с трудом подавил вздох и продолжил надиктовывать:

— "...мой сын, Выродок... уходит с Божественным владыкой Сюань Ли во Дворец Небесного Механизма для обучения на пути Дао. Взамен владыка выплачивает мне десять камней духа в качестве выкупа. Отныне этот... Выродок не имеет ко мне никакого отношения, а я — к нему. Данная расписка служит тому подтверждением". А теперь ставь свою подпись.

Пьяница послушно вывел корявыми иероглифами свое имя и обеими руками протянул бумагу заклинателю. Сюань Ли пробежал глазами по строчкам и, убедившись, что все верно, щелкнул пальцами. Парящие в воздухе камни со звоном посыпались на земляной пол. Чэнь Юцай тут же рухнул на четвереньки, судорожно сгребая добычу.

Оказавшись на ночной улице, Сюань Ли вдруг осознал, что мальчишка так и не подтвердил свое согласие — ведь все это время он лишь молча цеплялся за подол.

— Ну что, малыш, действительно хочешь пойти со мной во Дворец Небесного Механизма? — спросил он.

Лань И поднял голову. Ночной ветер трепал темные пряди волос Сюань Ли, развевал его белоснежные одежды. В руке тот держал обнаженный меч цвета талой воды — верную "Бледную грушу". Бессмертный едва заметно улыбался, но его взгляд оставался холодным и чистым. Эта отрешенность в сочетании с благородными чертами лица придавала ему особое, суровое очарование. Лань И вновь невольно залюбовался им, позабыв обо всем на свете.

Заметив это молчание, Сюань Ли слегка нахмурился. "Неужели передумал? — встревожился он. — Вот беда, сам все решил за ребенка, выставил себя разбойником, крадущим детей".

— Что ж, если не хочешь — оставайся, — мягко сказал он, собираясь развернуться. В конце концов, с сотней серебряных ланов этот малец теперь не пропадет.

Только тут Лань И опомнился.

"Ну и дурак же я! — мысленно обругал он себя. — Еще тогда, в Кровавом царстве бесконечности, взгляда от него отвести не мог, и вот, спустя две тысячи лет, все туда же! Никакой гордости!"

Боясь упустить единственный шанс, он крепко ухватился за широкий рукав бессмертного:

— Нет-нет, я хочу! Очень хочу уйти с тобой!

Сюань Ли, уже обрадовавшийся было мысли, что избавился от лишней обузы, слегка разочарованно вздохнул. Повернувшись к мальчику, он усмехнулся:

— Малыш, путь Дао труден и полон лишений. А под моим началом тебе придется в сто крат тяжелее.

Но тот лишь отчаянно закивал, замотав головой из стороны в сторону:

— Я не боюсь трудностей! Правда не боюсь!

После таких слов Сюань Ли оставалось лишь смириться. Гнаться за Гуй Инем теперь не имело смысла — слишком много времени было упущено. Владыка призвал парящий меч и, увлекая за собой новоиспеченного ученика, устремился к горе Цанъи.

Стоя на летящем клинке высоко в облаках, Лань И во все глаза смотрел на широкую спину учителя. Сердце его бешено колотилось от безумной смеси страха и ликующего предвкушения.

В отличие от него, Сюань Ли пребывал в крайнем унынии. В глубине души он уже проклинал свою минутную слабость. Маленький ребенок — это огромная ответственность, но раз уж взял его, деваться некуда. "И все из-за этого проклятого Гуй Иня!" — раздраженно подумал бессмертный.

Тем временем на востоке показалась бледная полоса рассвета. Летящий меч проносился над бескрайними просторами, скованными зимней стужей. Прямо под ними раскинулась великая, уходящая за горизонт замерзшая река. Глядя на эту величественную картину, Сюань Ли почувствовал, как раздражение утихает, уступая место светлому покою.

— Какая первозданная красота... — негромко произнес он, обращаясь к мальчику. — В центральных землях такого не увидишь. Сейчас лютая зима, река спит под белым панцирем. Но стоит прийти весне, лед тронется, и бурные воды с ревом устремятся вниз. Великое зрелище. Малыш... отныне твое имя будет Линь Цанхэ. Нравится?

"Линь Цанхэ... — мысленно повторил мальчик. — Да, отныне я — Линь Цанхэ"

Он послушно склонил голову:

— Да, учитель. С этого дня меня зовут Линь Цанхэ.

Вскоре впереди выросла величественная гора Цанъи — древнее средоточие духовной энергии этого мира. Ее заснеженные пики взмывали на тысячи чжанов ввысь, теряясь в облаках, а горные хребты уходили за горизонт, казалось, не имея конца. Стоя у подножия этой громады, любой смертный почувствовал бы себя лишь песчинкой в бескрайнем океане.

"Вот, значит, где обитает Мужун Шисань... Поистине священное место, благословенное самими небесами!" — восхищенно подумал Линь Цанхэ. Впрочем, иного прибежища для столь выдающегося человека он и представить себе не мог.

Сюань Ли, не замечая восторга ученика, молча ступил на бесконечную каменную лестницу, ведущую к вершине. Линь Цанхэ уловил его хмурый настрой и не стал докучать расспросами, безропотно следуя по пятам. Глядя на спину бессмертного, он вдруг вспомнил Кровавое царство бесконечности и то, как когда-то давно Сюань Ли нес его на себе на вершину пика Кровавых Земель. Мальчик тепло и нежно улыбнулся.

По чистой случайности Сюань Ли обернулся именно в этот момент и поймал его взгляд. "Он что, полоумный? — пронеслось в голове владыки. — Тащиться в такую кручу пешком, а сам сияет как начищенный медный таз". Сюань Ли нахмурился. Столько лет он открещивался от учеников, а стоило поддаться уговорам — и первый же оказался блаженным? Неужели фортуна окончательно отвернулась от него?

Линь Цанхэ, заметив этот тяжелый, недовольный взгляд, испугался, что наставник сердится на его медлительность. Он поспешно прибавил шаг, преодолевая по две ступени за раз.

Глядя на суетливые прыжки мальчишки, Сюань Ли лишь утвердился в своих подозрениях. Впрочем, эта забавная поспешность живо напомнила ему его собственный первый день на горе Цанъи — тогда он тоже скакал через ступеньку, сгорая от любопытства. Сердце бессмертного слегка оттаяло. Он решил напустить на себя важности и, подражая покойному учителю, наставительно произнес:

— Сяо Цанхэ, помни: на пути Дао каждый твой шаг — это неповторимый вид, которым нужно уметь наслаждаться.

На самом деле он хотел сказать, что в самосовершенствовании нельзя спешить и суетиться, нужно идти твердо и вдумчиво. Но Линь Цанхэ истолковал эти слова по-своему. Он послушно замедлил ход, однако принялся так усердно крутить головой и разглядывать каждый куст, что стал похож на лесного глухаря, заворуженного блеском росы.

Сюань Ли не выдержал и тихо рассмеялся. Мальчишка вел себя точь-в-точь как он сам когда-то. Теперь-то владыка до конца понял, каково приходилось его покойному мастеру.

Это удивительное сходство растопило лед между ними. Сначала Сюань Ли согласился взять ребенка лишь из жалости, твердо намеренный исполнить долг наставника, но не чаявший найти в нем родную душу. Теперь же в его сердце зародилась робкая, но искренняя привязанность к этому забавному существу.

"Чего этот Мужун Шисань от меня хочет? — ворчал про себя Линь Цанхэ. — Иду медленно — хмурится, бегу быстро — опять недоволен. Ну и характер! Что это еще за загадки про "неповторимые виды"? Наверняка хочет, чтобы я запомнил дорогу, и устроит мне проверку на вершине"

С этими безрадостными мыслями он принялся усердно зазубривать названия попадавшихся по пути мхов и папоротников.

Спустя сотню ступеней силы окончательно покинули изнуренного ребенка. Ноги налились свинцом, дыхание сбилось, и ему стало глубоко плевать на растительность горы Цанъи. Перед глазами плыла бесконечная серая лента лестницы.

"До чего же немощное тело мне досталось..." — горько сетовал он про себя.

Преодолев половину пути, мальчик уже не шел, а буквально полз, цепляясь руками за холодный камень ступеней.

Сюань Ли, бесшумно скользивший рядом на парящем мече, опустил на него взгляд:

— Устал? Если немоготу, поднимайся на клинок, долетим вместе.

"Конечно устал, старый ты пень! Сам бы попробовал пешком потаскаться в таком теле!" — мысленно взвыл Линь Цанхэ.

Но вслух, желая показать себя с лучшей стороны, упрямо выдохнул:

— Нет, учитель... Я справлюсь! Я поднимусь сам!

Сюань Ли пристально взгляделся в упрямого мальчишку. Его крошечные ладони были стерты в кровь о шершавый камень, но он упрямо, шаг за шагом, одолевал подъем. Бессмертный почувствовал жалость, смешанную с невольным уважением. Мальчишка обладал негибимой волей, и это окончательно покорило сердце владыки. Он одобрительно кивнул своим мыслям.

Линь Цанхэ потерял счет времени и ступеням. В его угасающем сознании осталась лишь одна мысль: только вверх, только вперед. Когда его пальцы коснулись последней, венчающей подъем плиты, он был полностью истощен. Его лохмотья превратились в грязные тряпки, изодранные колени и локти промокли от крови, а на ладонях не осталось живого места. Без сил повалившись на плиты вершины, он поднял затуманившийся взгляд на Сюань Ли, вымученно улыбнулся и тут же лишился чувств.

Сюань Ли в мгновение ока оказался рядом. Он бережно подхватил израненного ребенка на руки и единым духовным порывом перенесся во внутренние покои Дворца Небесного Механизма.

Навстречу ему поспешил пожилой мужчина в скромном сером халате. Лицо старика лучилось добротой, а во всей его осанке сквозило глубокое, умиротворяющее благородство. Увидев в руках хозяина ребенка, он оторопел, но уже в следующую секунду его глаза радостно заблестели.

За столько лет молодой господин ни разу не приводил никого в обитель и наотрез отказывался брать учеников. И вдруг — ребенок!

"Неужели нашел себе тайную зазнобу на стороне и обзавелся внебрачным наследником? — взволнованно размышлял старик. — Наверняка девица безродная, оттого он и скрывал ее от семьи. Но почему малец так страшно изранен? Неужели молодой господин не признает дитя? Или коварная соблазнительница силой навязала ему младенца, а он в ярости?.. Как бы то ни было, у нашего господина наконец-то появился преемник! Узнай об этом Глава семьи Мужун, он бы от счастья до небес прыгал"

Сюань Ли хватило одного взгляда на дядюшку Фу, чтобы понять, какие нелепые бредни крутятся в его голове.

— Дядюшка Фу, это мой ученик, — оборвал он его излияния ледяным тоном. — Приготовь горячую воду и приberi в боковом павильоне у моих покоев. Да, и еще: возьми шесть цяней полыни, двенадцать цяней пуэрарии, один лян белого пиона и четыре цяня мяты. Прокипяти их четверть часа и вылей отвар в купель.

— И прихвати мой ларец с лекарствами. И выбрось из головы эту чушь, не то я живо отправлю тебя обратно в поместье Мужун!

Поняв, что его фантазии разбились вдребезги, дядюшка Фу разочарованно вздохнул и тихо заворчал себе под нос:

— Да если ты так и собрался вековать в одиночестве, уж лучше отправь старика домой...

— Что ты там бормочешь? — Сюань Ли одарил его испепеляющим взглядом.

— Ничего-ничего, молодой господин! — примирительно заулыбался тот. — Бегу готовить, все сделаю в лучшем виде!

Проводив слугу взглядом, Сюань Ли лишь покачал головой. Он уже не в первый раз жалел о том, что вообще согласился взять старика с собой из родового поместья. Затем он с нежностью посмотрел на бледное лицо мальчика: "Сяо Цанхэ, обещаю тебе: испытание лестницей Цанъи было не напрасным".

Спустя четверть часа вернулся дядюшка Фу:

— Молодой господин, все готово.

Сюань Ли кивнул и перенес спящего Линь Цанхэ в купальню. Старик последовал за ними. Увидев, что господин собирается сам раздевать грязного ребенка, он поспешно протянул руки:

— Что вы, молодой господин, позвольте я сам...

— Не нужно, — остановил его Сюань Ли. — Ступай отдыхать, я сам справлюсь.

Дядюшка Фу ошеломленно застыл. Молодой господин за всю свою жизнь пальцем о палец не ударил ради других, а тут вдруг вызвался омыwać безродного сироту! Сгорая от любопытства, старик наотрез отказался уходить:

— И все же, господин, позвольте мне остаться. Вдруг вам понадобится помощь...

— Как знаешь, — безучастно бросил бессмертный.

Старик отошел в сторону и завороченно наблюдал, как Сюань Ли бережно, словно хрупкую драгоценность, освобождает израненное тельце от лохмотьев и осторожно опускает в деревянную бадью. Каждое движение владыки было исполнено такой глубокой нежности и заботы, что у дядюшки Фу защемило сердце. С тех пор как молодой господин вернулся из Кровавого царства бесконечности, он никого не подпускал к себе близко. Быть может, появление этого сироты действительно исцелит его израненную душу?

Горячая вода коснулась открытых ран, и Линь Цанхэ сквозь сон болезненно наморщил лоб. Сюань Ли ласково провел ладонью по его мокрым темным волосам, тихо нашептывая:

— Потерпи, маленький, сейчас все пройдет...

Взглянув на спину ребенка, сплошь покрытую жутким месивом из старых шрамов и свежих, сочащихся кровью порезов, бессмертный содрогнулся. Он почувствовал глубокую боль.

— Новые раны поверх старых... — прошептал он, едва сдерживая дрожь в голосе. — Дитя, через какой же ад тебе пришлось пройти в столь юные годы?

Стараясь не причинить лишней боли, он принялся бережно омыwać и обрабатывать его раны.

<http://bllate.org/book/18239/1746487>